

Роман Житко

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

**ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ
ПОЭТИКИ РОМАНА В.О. ПЕЛЕВИНА Т:
СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА**

**GLÓWNE CECZY I ARTYSTYCZNA TRANSFORMACJA
POSTMODERNISTYCZNEJ POETYKI
W POWIEŚCI WIKTORA PIELEWINA T:
STRUKTURA I SEMANTYKA**

Ключевые слова: Виктор Пелевин, пустота, постмодернизм, хаосмос, поэтика

Творчество Виктора Олеговича Пелевина, лауреата премий «Малый Букер» (1993), «Национальный бестселлер» (2004) и др., в течение последних десятилетий занимает заметное место в современной литературной жизни. Работы автора, нередко сочетающие элементы дзен-буддизма и мистики, замысловатые интертекстуальные отсылки, особую художественную поэтику, своеобразную художественную философию и интеллектуальную игру образностью массовой культуры, снискали уважение критики и заслужили достаточно широкий научный интерес. Не представляется спорным тот факт, что допустимо говорить о В.О. Пелевине как об одном из знаковых представителей постмодернистской художественной прозы, внесшем значительный вклад в развитие поэтики данного направления. Данное утверждение справедливо и закономерно относительно как формальной, так и содержательной стороны творчества писателя; вследствие этого, суть и значение ряда художественных категорий в произведениях Виктора Пелевина определяется влиянием

эстетики, поэтики и художественной философии постмодернизма^{1 2 3}. При этом одним из наиболее ярких работ автора, где проявились и развились наиболее характерные черты постмодернистской поэтики, стал роман *T*, впервые изданный в 2009 году. Так, данный текст в значительной мере «хаотизирован» и децентрирован (что характерно как для поэтики романа, так и для его семантического поля), в связи с чем в нём активно раскрывается постмодернистская категория пустоты/ничто, символизирующая «оформление» художественного мира в виде хаосмоса. Следует отметить, что категория пустоты имеет исключительную значимость практически во всём творчестве В.О. Пелевина, что позволяет говорить о ней как об одном из ключевых семантических символов поэтики автора⁴. Наиболее известным произведением Виктора Пелевина, активно использующим категорию пустоты в различных её аспектах, является роман *Чапаев и Пустота* (1996), где постмодернистский код пустоты взаимодействует с дзен-буддистским, однако в романе *T* семантическая сложность данной категории достигает ещё большего масштаба благодаря включению гностических идей философии пустоты в её постмодернистский художественный дискурс.

Сюжетное поле романа отражает метафизическое духовное путешествие главного героя к обретению внутренней гармонии в некотором локусе, именуемом «*Оптиной Пустыней*» (аллюзия на реально существующий мужской православный монастырь). Так, путь графа Т. (очевидная аллюзия на графа Льва Николаевича Толстого, отражающая характерную постмодернистскую «игру» в отсылки и цитаты) начинается с философского вопроса о том, что именно представляет собой искомое место, какова его природа и каковы, следовательно, пути его достижения/постижения. По мере развития действия духовные искания героя корректируются влиянием разнообразных религиозных, философских и мистических учений (таких, как дзен-буддизм,

¹ В. О. Кубышкина, *Трансформация образа гностического демиурга в романе В. Пелевина «Т»*, [online], <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20371>, [16.02.2017].

² И. В. Кабанова, *Троица по Пелевину: автор-герой-читатель в романе «Т»*, [online], <http://cyberleninka.ru/article/n/troitsa-po-pelevinu-avtor-geroy-chitatel-v-romane-t>, [16.02.2017].

³ К. А. Макеева, *Творчество Виктора Пелевина*, [online], http://www.pelevin.info/pelevin_133_0.html, [17.02.2017].

⁴ С. Корнев, *Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина*, [online], <http://pelevin.nov.ru/stati/o-krn2/1.html>, [17.02.2017].

гностицизм, идеи Владимира Соловьева, солипсизм и др.), вследствие чего у Оптиной Пустыни теряется коннотация пространственного локуса и появляется природа некоего «духовного состояния», которого необходимо достичь⁵. Воплощением данного состояния становится категория *пустоты* (как постмодернистский символ динамического хаоса и восточный символ просветленного сознания), и данное понятие крепко срастается по ходу сюжета с образом *Оптиной Пустыни*. Пустота начинает символизировать внутреннюю гармонию и одновременно некое смысловое и ценностное совершенство мира, к которому (сначала неосознанно, а затем вполне целенаправленно) стремится главный герой. По мере развития сюжета поэтика романа обретает разнообразные элементы, воплощающие категорию пустоты. Образными, зримыми её инвариантами становятся *пустыня* и *пустырь*. Так, приводится философское суждение о плюральности мира и человека, когда в диалоге главных героев упоминается египетский фараон Эхнатон в качестве «фараона-отступника, который перенес столицу в пустыню и первым в мире попытался уйти от многобожия»⁶. В данном случае образ «города в пустыне» (имеется в виду, очевидно, Ахетатон) символизирует монотеистическую концепцию бытия, связанную с идеей о «множественном единстве» мира, что в данном контексте сближает данную трактовку категории пустоты со спецификой постмодернистского хаосмоса. Кроме того, в указанном диалоге подчеркивается, что после смерти Эхнатона его столица была разрушена и опустошена, что вновь подчеркивает своеобразную метафизическую «победу» пустоты/пустыни над мировоззренческим начинанием правителя⁷. Примечательно, что образ пустыни в романе достаточно неоднороден. Так, описан духовно-мистический эксперимент ламы Джабмона и графа Т., в ходе которого граф призван был «увидеть мир глазами Достоевского»; среди перечисленных ламой возможных вариантов того, что предстанет перед внутренним взором Т., указывается в числе прочего «ледяная пустыня»⁸. Данный образ (наряду с иными перечисленными, среди которых «река огня» и «небесный сад»), предполагаемый в качестве возможной формы мистического откровения,

⁵ В. О. Пелевин, *Т*, Москва, 2009, с. 303-304.

⁶ Там же, с. 120.

⁷ Там же, с. 120-121.

⁸ Там же, с. 192.

призван отражать внутреннюю, сущностную природу мира⁹. Кроме того, подчеркнут контраст между «безжизненной пустотой», явленной в духовном видении, и зримой полнотой многообразия бытия; остаётся открытым вопрос о том, что из перечисленного является иллюзией, а что – истиной.

В романе также актуализирован мотив «творения из пустоты», с которым связано введение в сюжетное поле романа персонажа Ариэля (именуемого также Ариэлем Эдмундовичем Брахманом, чем имя в выходных данных романа значится в траурной рамке в качестве литературного редактора романа), который является «демиургом» и мнимым «соавтором» разворачивающегося сюжета. В данном отношении следует отметить характерную для постмодернистской поэтики игру в «отказ от авторства», которой в данном случае сопутствует включение мнимого автора в само содержательное поле произведения. Осмысля сущность гностической трактовки образа романного демиурга, исследователь В.О. Кубышкина замечает:

Неявленному Богу противопоставлен Демиург, второстепенная духовная сущность. Бренность земли – проекция слабости и несовершенства ее создателя. Ирония состоит в том, что Демиург, задумавший план мироустройства, не подозревает о небесной иерархии и, оказавшись в пустоте (кеноме, нижней границе Вселенной, по гностикам), мнит себя Истинным Творцом¹⁰.

В романе *T* демиург неоднократно взаимодействует и дискутирует со своим «главным героем» графом Т.; согласно излагаемой плюральной концепции мира, человека в разные моменты «сочиняют разные боги». Демиург также поясняет графу специфику хода работы над сюжетом, в котором граф Т. задействован как персонаж. В сущности, сам Т. сообщает Ариэлю его могущество, посредством веры в то, что тот является демиургом. Однако по мере постижения истины данное положение вещей нарушается, демиург теряет силу, уравниваясь в творческих возможностях со своим творением. «Бытие действительно, лишь если кем-то осознается. Поэтому-то Создателю и нужен сознающий человек»¹¹. Данное

⁹ Там же, с. 192.

¹⁰ В. О. Кубышкина, *Трансформация образа гностического демиурга в романе В. Пелевина «Т»...*, [online].

¹¹ Там же.

обстоятельство выводит графа Т. из роли созерцателя и делает его даже не сотворцом, а практически единовластным творцом всего сущего (и творцом самого себя, в частности). По сути, в романе *Т* «вочеловечивание» Ариэля необходимо, чтобы начать диалог с главным героем – графом Т., который является ключом к спасению: принесение Т. в жертву древнему божеству должно завершить мировой цикл¹². Эта идея восходит к универсальной мифологеме о цикличности мира, представленной в образе умирающего и воскрешающего божества, согласно которой символическая смерть и возрождение дают начало новому витку вселенского развития¹³. Момент умирания (небытия) как в пространстве мифа, так и в сюжете романа «Т» олицетворяется пустотой. Кроме того, сам граф Т. в определенный момент становится создателем мира, окружающего героя. Герой, умерев и воскресая, полностью воссоздает мир из ничего, из пустоты: «Т. пришел в себя. И сразу же понял, что напрасно это сделал – вокруг ничего не было»¹⁴. Кенома, пустота – точка отсчета для записи нового бытия, это перспектива возможностей, среди которых следует выбрать единственно правильную для существования идеального мира¹⁵. «Зримый» образ окружающей героя пустоты представлен абсолютной чернотой, где буквально «не видно ни зги», и герой посредством акта творения «заполняет» эту пустоту, «сочиняя» весь окружающий мир. У пустоты открывается потенциал для заполнения – и, следовательно, появляется определенная положительная коннотация. Как отмечает В.О. Кубышкина, в случае с современным произведением классическая метафора буквализируется в соответствии с законами постмодернизма, один из которых – представление Жака Деррида о мире как тексте. Эта мысль озвучивается прямо: «Я начал создавать мир как текст», т.е. то, что написано – единственно существующее¹⁶. Здесь еще более очевидной становится параллель данного явления с постмодернистским видением сути любого творения как такового: мир, порождаемый в виде текста, становится единственной «настоящей» действительностью. В романе *Т* эта идея воплощена таким

¹² Там же.

¹³ Н. Р. Саенко, *Онтологическая поэтика пустоты*, [online], http://oobox.ru/gumanitarnye_nauki/1342484/ontologicheskaya_poetika_pustoty.html, [13.02.2017].

¹⁴ В. О. Пелевин, *Т...*, с. 156.

¹⁵ В. О. Кубышкина, *Трансформация образа гностического демиурга в романе В. Пелевина «Т»...*, [online].

¹⁶ Там же.

образом, что всё сущее предстаёт лишь процессом «творчества» главного героя¹⁷. Очевидно, что в данном аспекте обыгрывается одна из ярчайших черт постмодернистского художественного мировоззрения, когда фактически стирается любое различие между текстовой и внетекстовой действительностью, преодолевается граница между творчеством и бытием. Иными словами, «художественное время романа *T* – это длительность создания данного текста, затраченное на его прочтение; пространство – художественное пространство, обнажающее свою литературную сконструированность»¹⁸. Структура постмодернистского видения процесса творчества и рецепции проявлена здесь наиболее наглядно. В романе также содержится достаточно прямолинейное указание на иллюзорность любого языкового творчества, что служит отсылкой к идее об иллюзорности сознания как такового (эта мысль в значительной степени свойственна многим произведениям В.О. Пелевина). Данное обстоятельство вполне естественно согласуется как с дзен-буддистским, так и с постмодернистским аспектом романа *T*. Так, представлена интерпретация данного философского аспекта самими героями романа, когда лама Джамбон определяет это явление следующим образом:

Слова – очень древний инструмент, – сказал он. – Их появление вызвано тем, что так было удобнее охотиться на крупных зверей. Я могу сказать – «рука, дубина, мамонт». И вот, пожалуйста, дубину действительно можно взять в руку и дать ей мамонту по морде. Но когда мы говорим «я», «эго», «душа», «ум», «дао», «бог», «пустота», «абсолют» – все это слова-призраки. У них нет никаких конкретных соответствий в реальности, это просто способ организовать нашу умственную энергию в вихрь определенной формы¹⁹.

Вследствие этого в семантическом поле романа появляется признание состояния неопределенности, плюральности мира, когда внутренняя пустота явления может быть заполнена не одним константным значением, а множеством семантических вариаций. Рассуждение о множественности и неопределенности человека (как и любого иного предмета) приводит героев к мысли, что «сам по себе человек не более переменчив, чем пустой гостиничный номер. Просто в разное время его населяют разные

¹⁷ И. В. Кабанова, *Троцца по Пелевину: автор-герой-читатель в романе «Т»...*, [online].

¹⁸ Там же.

¹⁹ В. О. Пелевин, *T...*, с. 308.

постояльцы»²⁰. Пустота (как внутренняя сущность), таким образом, обретает перспективу заполнения любым значением, что создает неизбежность плюральности возможных точек зрения на мир и иллюзорности любой из них. Таким образом достигается постмодернистская хаотизация смыслового поля данного романа.

Коннотация пустоты в романе также достаточно ощутимо сближается с восточным её истолкованием, параллельно с этим в сюжетное поле романа вводятся учения, рассматривающие и интерпретирующие пустоту. В данном отношении характерен диалог между главными героями, в ходе которого лама Джамбон излагает следующее:

Сначала ламы объясняют ученику философскую категорию «пустотности». (...) Потом учат видеть пустую природу преходящих вещей. Затем объясняют, что пустота ума подобна сознающему пространству, и так далее. И через некоторое время эти умственные построения настолько сжимаются во времени, что начинают напоминать непосредственное восприятие – как говорят сами ламы, «надуманное становится ненадуманным». Это у них и называется непосредственным переживанием истины²¹.

Итогом духовного пути графа Т. в Оптину Пустынь должно стать обретение внутренней гармонии, связанное с постижением «пустой сущности» всего мироздания; следуя по этому пути, герой трансформирует собственное сознание, обнаруживает себя объектом, субъектом и творцом. В конечном счете герою предлагается следующая философская интерпретация того духовного состояния, к которому он стремился: «"Оптина" происходит от латинского глагола "optare" – «выбирать, желать». Здесь важны коннотации, указывающие на бесконечный ряд возможностей. Ну а "Пустынь" – это пустота, куда же без нее. Сколько здесь открывается смыслов (...)»²². Оригинальное истолкование данного названия героями романа раскрывает сущность философских исканий главного героя: пустота становится олицетворением «освобождённого сознания», самодостаточного в своей онтологии и имеющего потенциал активного творческого действия. Установка на сосуществование множественности смыслов пустоты здесь активно коррелирует и с

²⁰ Там же, с. 308.

²¹ Там же, с. 303.

²² Там же, с. 308.

постмодернистской художественной парадигмой²³. В сущности, плюральное видение мира, свойственное постмодернистской художественной философии, является одним из важнейших факторов творческой свободы. Практически прямое указание на завершение духовного странствия графа Т. и на метафизическое обретение им сакральной Оптиной Пустыни содержит стихотворный текст, включенный в финальную часть романа:

Как на закате времени Господь выходят Втроем
Спеть о судьбе творения, совершившего полный круг.
Кладбище музейного кладбища тянется за пустырем
И после долгой практики превращается просто в луг²⁴.

Очередной цикл бытия, таким образом, замыкается: творение отождествляется и сливается со своим творцом, и из *Ничто* (пустоты) проявляется *Нечто*. Осознав собственную природу, граф Т. фактически становится единственным автором, сочиняющим самого себя «из пустоты», у которой в связи с этим развивается коннотация «свободного места» для творчества, а также семантика бесконечного множества возможных вариантов событийного, смыслового и ценностного наполнения постмодернистского художественного мира.

Представляется возможным заключить, что постмодернистская природа романа В.О. Пелевина *Т* проявляет себя в различных аспектах и актуализирует широкую систему образов и мотивов. Так, в поэтике романа разрабатывается образность, связанная с воплощением категории пустоты, являющейся олицетворением постмодернистского хаосмоса как фактора абсолютной плюральности. Кроме того, постмодернистской код пустоты взаимодействует с буддийским и гностическим, а также коррелирует с семантической нагрузкой т. наз. циклических мифологем. В романе актуализируются особо значимые для постмодернистского художественного мировидения мотивы творчества/творения, освобождения сознания, «сочинения» мира-текста, смысловой игры, интеллектуального поиска и др. При этом постмодернистская пустота принимает функцию аллегории хаотического, иллюзорного, умозрительного мира – и вместе с тем олицетворяет собой освобождение сознания, а также вариативную свободу бесконечного творения в его сакральном значении.

²³ М. Н. Липовецкий, *Критерий пустоты*, [online], <http://magazines.russ.ru/ural/2001/7/lipov.html>, [11.02.2017].

²⁴ В. О. Пелевин, *Т...*, с. 308.

Библиография:

1. Андреева И. С., *Постмодернизм в русской литературе*, [online], <http://fege.narod.ru/librarium/andreeva.htm>, [15.02.2017].
2. Кабанова И. В., *Троица по Пелевину: автор-герой-читатель в романе «Т»*, [online], <http://cyberleninka.ru/article/n/troitsa-po-pelevinu-avtor-geroy-chitatel-v-romane-t>, [16.02.2017].
3. Корнев С., *Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина*, [online], <http://pelevin.nov.ru/stati/o-krn2/1.html>, [17.02.2017].
4. Кубышкина В. О., *Трансформация образа гностического demiурга в романе В. Пелевина «Т»*, [online], <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20371>, [16.02.2017].
5. Липовецкий М. Н., *Критерий пустоты*, [online], <http://magazines.russ.ru/ural/2001/7/lipov.html>, [11.02.2017].
6. Макеева К. А., *Творчество Виктора Пелевина*, [online], http://www.pelevin.info/pelevin_133_0.html, [17.02.2017].
7. Пелевин В. О., *Т*, Москва 2009, 478 с.
8. Саенко Н. Р., *Онтологическая поэтика пустоты*, [online], http://oobox.ru/gumanitarnye_nauki/1342484/ontologicheskaya_poetika_pustoty.html, [13.02.2017].
9. Скоропанова И. С., *Русская постмодернистская литература*, [online], http://yanko.lib.ru/books/cultur/skoropanova-russ-postmodern-lit.htm#_Тoc15730351, [26.01.2017].

**THE KEY FEATURES AND THE ARTISTIC TRANSFORMATION
OF THE POSTMODERN POETICS OF THE NOVEL T BY V. PELEVIN:
STRUCTURE AND SEMANTICS**

Summary

The article is devoted to the study of the manifestation of the postmodern artistic worldview in the novel *T* by V. Pelevin in the aspect of poetics. In this regard, categories of chaos, chaosmos and emptiness are explored in this text. The article characterizes the artistic dialectic of reality and virtuality in the novel. The influence of various philosophical (in particular, Gnostic and Buddhist) ideas on the modeling of the plot and value space of the novel *T* has been analyzed. The article demonstrates the artistic role of the so-called cyclic myths in this text, as well as its relationship to the category of emptiness. In addition, a number of means of artistic poetics, which “model” the category of emptiness in the aforementioned literary text have been explored.

Keywords: Victor Pelevin, emptiness, postmodernism, chaosmos, poetics